

На правах рукописи

МОЛЕВ Антон Ильич

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОГНОЗЫ
РАЗВИТИЯ ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
СЕРЕДИНЫ XX – НАЧАЛА XXI ВВ.**

24.00.01 – теория и история культуры (философские науки)

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук**

A stylized, handwritten signature in black ink. It features a large, looping initial 'А' followed by a series of fluid, connected strokes that form the rest of the name, ending in a long, horizontal flourish.

Москва 2007

Работа выполнена на кафедре культурологии и антропологии Московского государственного университета культуры и искусств.

Научный руководитель	доктор философских наук, профессор Флиер Андрей Яковлевич
Официальные оппоненты.	доктор философских наук, профессор Денисов Владимир Васильевич, доктор культурологии, профессор Шлыкова Ольга Владимировна
Ведущая организация:	Российская академия государственной службы при Президенте РФ

Защита состоится 5 марта 2007 г. в 11.00 часов на заседании диссертационного совета Д 210.010.04 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при Московском государственном университете культуры и искусств по адресу: 141406, Московская обл., г. Химки – 6, ул. Библиотечная, 7, корп. 2, зал защиты диссертаций.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Московского государственного университета культуры и искусств, а с авторефератом – на сайте университета

Автореферат разослан «2» 02 2007 г

Ученый секретарь диссертационного совета

доктор философских наук, доцент

И.В. Малыгина

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования

В условиях всесторонней трансформации современного мира особо острыми являются проблемы прогнозирования социокультурного будущего человечества и рефлексии по поводу созданных в науке проектов. Степень сложности и противоречивости происходящих в мире социокультурных процессов и конфликтности различных цивилизаций сегодня столь высока, что дискуссия о перспективах развития человечества становится просто необходимой. Полем такой дискуссии стала футурология, представляющая собой сравнительно молодую отрасль знания, сложившуюся на стыке философии, политологии, социологии и культурологии, что уже порождает разнородность оснований различных «сценариев» будущего. Эта плюральность усиливается за счет сложности и противоречивости процессов глобализации, а помимо того, латентно находится под влиянием имманентной хаотичности концепций постмодерна.

Сложность подобной дискуссии обусловлена еще и тем, что сегодня начинают конкурировать и два понимания постиндустриального общества, которое рассматривается в качестве наиболее вероятной перспективы развития современной цивилизации. В первом варианте оно понимается, прежде всего, как новый этап технологического развития и как своеобразная пролонгация ценностей техногенной культуры. Во втором – как радикальный переворот в системе ценностей, спровоцированный изменением стратегий технологического и социокультурного развития. Диалектика нынешнего этапа развития западной цивилизации, сочетающая информационный плюрализм с образованием новых культурных форм, требует специального культурологического анализа

Современная цивилизация находится на критическом этапе своего развития. Уже сегодня видны контуры совершенно нового мира, который формируется в противоречиях и напряжениях нашей эпохи. Бурные изменения в сфере техники, технологии, информатики радикально обновляют предметную и информационную среду, в которой непосредственно протекает жизнедеятельность

человека. Одновременно возникают совершенно новые формы кооперирования человеческого труда, новые типы коммуникаций, способы хранения и передачи информации, связи и отношения в человеческих сообществах, новые формы взаимодействия различных культурных традиций

История человечества на наших глазах становится глобальной историей. Культура во всех ее основных измерениях становится интегральным целым, при увеличивающемся местном разнообразии форм. Вместе с тем, определяющую роль в перспективном развитии человечества на современном этапе играет западная цивилизация, которая в самом своем бытии может быть определена как общество, в последние 4-5 веков активно развивающееся по техногенному проекту и в этом ключе формирующее образы жизни и картины мира людей. Поэтому в западной культуре активно поддерживается постоянная генерация новых образцов, идей, концепций, лишь некоторые из которых могут реализоваться в сегодняшней действительности, а другие предстают как возможные программы жизнедеятельности, адресованные грядущим поколениям. В культуре западного общества всегда можно обнаружить идеи, альтернативные доминирующим сегодня. Как нам представляется, современная футурология, являясь феноменом техногенной цивилизации, актуализирует специфические черты цивилизации и культуры западного типа.

Непосредственная актуальность темы исследования основана на стремлении научно систематизировать и провести компаративный анализ многообразия современных прогнозов развития постиндустриального общества. В переходные исторические эпохи нарастает состояние промежуточного социального хаоса, исходя из которого трудно прогнозировать пути развития общества и столь же трудно выбрать наиболее перспективные концепции. В этих условиях применяется компаративный метод, основанный на сопоставлении различных альтернатив во взглядах специалистов. Подобный метод, с одной стороны, продуктивен, так как позволяет учитывать многочисленные вариативные возможности будущего социокультурного развития, но, с другой, его применение приводит к выявлению необъятного многообразия футурологических точек зрения и их ос-

нований, с большим трудом поддающихся систематизации и системному сопоставлению.

Тем не менее, именно эта ситуация с наибольшей полнотой и реалистичностью отражает сегодняшнее состояние западной культуры и ее рефлексий по поводу собственного будущего. Актуальность работы в том, что такое исследование позволяет «нарисовать» достоверный «портрет» современной западной интеллектуальной культуры на основании одного из самых значимых ее проявлений – представлений о собственном будущем. При этом появляется возможность снять или снизить остроту противоречия между философской рефлексией техногенной западной цивилизации и гуманистическими идеалами европейской культуры.

Степень изученности темы

Исследование строится преимущественно на современных разработках проблемы зарубежными учеными: американскими, европейскими и представителями стран третьего мира.

Теория постиндустриального общества сложилась на основании экономических, социальных, политологических концепций. Эту теорию в ее классическом варианте разрабатывали Д.Белл, Дж.Гелбрейт, К.Поппер, У.Ростоу, Э.Тоффлер, А.Турен, Ж.Фурастье и др.

Исследования, проводимые в этом ключе, обусловили необходимость методологического обоснования социокультурного прогнозирования, получившего в своем институализированном виде статус постнеклассической науки - футурологии. Значительный вклад в это направление внесли Я.Баам, Дж.Коул, Г.Линстоун, Д.Лойе, А.Лоисдейл, Ф.Полак, Д.Ричардсон, Д. де Ружемон, О.Хелмер, III.Эдмунде, Р.Элбинг и др.

Как считают современные отечественные исследователи А.С.Ахизер, А.А.Зиновьев, В.Л.Иноземцев, А.Н.Панарин, В.И.Супрун, А.Я.Флиер, в социокультурном прогнозировании понимание проблемы означает не только рефлексию, но выделение и локализацию феномена, имеющего границы и некие

стыки с чем-то близлежащим. Чем глубже и сильнее рефлексруется объект, тем лучше (хотя и более абстрактно) локализуется проблема.

Для работ европейских футурологов характерна изначальная поливариантность прогнозирования. Наряду с центральной концепцией постиндустриального общества существенную роль играли так называемые частные социокультурные прогнозы, созданные применительно к различным сферам общественной жизни. К ним, прежде всего, следует отнести работы Р. Айера, У. Крофта, Э. Ласло, Г. Тейлора, А. Шумахера и других исследователей либерального направления, стремящихся создать привлекательную модель будущего. То же можно сказать и о целом ряде американских футурологов, которые исследовали гуманистическую проблематику (Дж. Макхейл, Дж. Платт, Ч. Рейч, Т. Роззак, А. Уилсон и др.).

Резко контрастируют с ними по направленности работы исследователей, относящихся к экологическому направлению футурологии, представленному в основном деятельностью членов Римского клуба (Л. Буве, Д. Медоуз, А. Печчеи, П. Эрлих и др.). Пессимизм доминирует в их прогнозах, акцентирующих внимание на прогрессирующей бедности, которая усиливается в результате демографического взрыва и уменьшения ресурсов, на возрастающих угрозах выживанию, созданных загрязнением окружающей среды и неконтролируемым распространением ядерного оружия среди неимущих стран.

Эту линию исследований в собственном ракурсе продолжают аксиологически ориентированные футурологи, считающие, что социокультурные изменения приведут к выработке новых параметров адекватности индивида (Зб. Бжезинский, Г. Кан, Ф. Левенталь, Д. Финч, Л. Фойер).

Начиная с 1990-х гг. в развитии западной футурологии происходит коррекция как методологических оснований, так и ракурсов социокультурных прогнозов. В этот период центральное место занимают концепции З. Баумана, Зб. Бжезинского, Э. Гидденса, Э. Тоффлера, С. Хантингтона, Ф. Фукуямы. Близко к ним примыкают исследования, сопряженные с критической оценкой современного этапа развития постиндустриального общества, среди которых наиболее

яркими являются труды И Валлерстайна, Э.Ласло, П.Дракера. Самостоятельным направлением футурологии, во многом определяющим ее своеобразие, сегодня выступает так называемое контркультурное течение, представленное творчеством К Беккера, Т Лири, Д Рашкоффа. Своеобразный интерес своей близостью к российской традиции обществоведческой мысли вызывают труды консерватора П.Бьюкенена.

Объектом исследования является современная западная интеллектуальная культура, проявленная в прогнозах социокультурного развития человечества на обозримое будущее, созданных во второй половине XX – начале XXI века

Предметом выступает сопряженность культурных реалий постиндустриального общества с выстраиванием перспектив его развития

Гипотеза исследования состоит в предположении о том, что трансформация социокультурного прогнозирования обусловлена процессами глобализации, виртуализации и культурой постмодерна.

Цель диссертации – анализ сущности, генезиса и типологии социокультурного прогнозирования с культурологических позиций.

Для достижения этой цели автором поставлен ряд исследовательских задач:

- проследить возникновение и специфику социокультурного прогнозирования в контексте развития западной цивилизации в середине XX в ;
- проанализировать концепции постиндустриального общества, в рамках которых оно рассматривается в качестве нового этапа технологического развития,
- представить поливариантность западной прогностики в 1960–1980-е гг ,
- провести культурологический анализ новейших направлений западного социокультурного прогнозирования конца XX – начала XXI в.,
- выделить культурный компонент прогностических конструктов как доминирующий фактор социокультурной прогностики современного Запада.

Теоретическая и методологическая основы исследования. В теоретическую основу диссертации положены исследования зарубежных и отечествен-

ных ученых, специализирующихся в области футурологии, культурологии, философии и социологии. Использовались наиболее интересные идеи, концепты и проекты представителей различных зарубежных и отечественных школ и направлений – Д.Белла, Э.Тоффлера, Ф.Фукуямы, С.Хантингтона, В.Л.Иноземцева, В.И.Супруна, А.И.Уткина, А.Я.Флиера и др.

Методологической основой диссертации явились принципы объективности, конкретности, системного анализа предмета исследования, в противоречивом единстве, взаимообусловленности и развитии всех его составляющих. Объект, предмет, цели и задачи диссертационного исследования сделали необходимым использование двух методологий: *неоэволюционизма* при рассмотрении генезиса и динамики футурологии и *структурного функционализма* при типологизации прогностических концепций на разных этапах развития западной цивилизации.

Основными методами исследования стали генетический, системный, сравнительный, факторный, прогностический, а также методы экстраполяции и моделирования.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

- представлено социокультурное прогнозирование как наиболее характерное и показательное явление интеллектуальной культуры Запада, сформировавшееся во второй половине XX – начале XXI вв.;
- выявлено основание социокультурной прогностики, детерминированное просветительским дискурсом, включающим в себя представление о линейности времени по схеме «прошлое – настоящее – будущее», в котором будущее сценарно моделируемо;
- выделены два этапа в развитии социокультурного прогнозирования: 1960–1980-е гг. и 1990-е гг. – по настоящее время, причем водоразделом между ними являются окончание «холодной войны» и активизация процесса глобализации, изменившего параметры постиндустриального развития и его восприятия специалистами;

- предложена модель «центр – периферия», применяемая по отношению к динамике реальных процессов, происходивших в западной цивилизации с середины прошлого столетия, используемая в качестве культурологического основания типологизации социокультурных прогнозов; при этом под «центром» мы понимаем собственно концепции постиндустриальности, по отношению к которым «периферийной» является локальная прогностика;

- доказано, что динамика социокультурной прогностики проявляется в переходе от дихотомичного принципа в построении прогностических теорий (индустриальность/постиндустриальность) к поливариативности, к использованию принципа взаимодополнительности;

- обоснована точка зрения о том, что постмодерн как основная интеллектуальная парадигма второй половины XX века проявил себя, в том числе, и во влиянии на социокультурное прогнозирование конца XX – начала XXI веков, которое проявляется, во-первых, в поливариантности и меньшей категоричности прогнозов, а во-вторых, в обращенности к культуре как к основному фактору развития современного общества.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что создана модель для анализа концепций социокультурного прогнозирования с позиций теории и истории культуры; выявлены генезис, факторы динамики, сущность и основные этапы развития футурологии как явления западной культуры; теории постмодерна введены в контекст современной футурологии.

Практическая значимость исследования связана с тем, что она дает возможность составить представление о возможных сценариях развития западной цивилизации на этапе глобализации. Материалы диссертации могут быть использованы:

- в учебном процессе в рамках учебных курсов в вузе;
- в учебном процессе средней школы в качестве спецкурса;
- в публицистических выступлениях в СМИ.

Исходя из этого, на защиту выносятся следующие положения:

1. Возникновение прогнозирования будущего как феномена рефлексии техногенной цивилизации было детерминировано рядом факторов, к которым следует отнести традицию линейности западного исторического мышления Нового и Новейшего времени, научно-техническую революцию, изменившую параметры западного общества, выделение информации в качестве основного его ресурса, что в совокупности и дало возможность научного прогнозирования на поливариантной методологической основе. Нельзя не учитывать и то обстоятельство, что с середины XX века западная наука становится постнеклассической по своему характеру, в связи с чем футурология обретает собственный статус и институализируется.

2. Основанием систематизации социокультурных прогнозов с позиций теории и истории культуры является выделение структурных элементов прогностических концепций с позиций «центр – периферия» по отношению к динамике реальных социокультурных процессов, происходивших в западном мире с середины XX века.

3. На начальном этапе развития социокультурного прогнозирования (1960–1980-е гг.) его ядром становится концепция постиндустриальности, которая выстраивается в дихотомии: индустриальность/постиндустриальность. Следовательно, сама концепция постиндустриального развития базируется на представлениях о детерминированности прогресса в первую очередь ценностями техногенной культуры (информацией, наукой, образованием).

4. В качестве периферийных компонентов футурологии выделяются те концепции, а порой и целые направления, которые не претендуют на тотальную прогностику, а моделируют будущее в одном из сегментов бытия – в экономике, социальной жизни, экологии, аксиологии, массовой культуре и т.д. Однако связь «центра» и «периферии» не является жестко очерченной; скорее ей присущи вариативность и версияльность.

5. На рубеже 1980–1990-х гг. в развитии социокультурного прогнозирования происходят качественные изменения в связи с тем, что постиндустриаль-

ность западного типа модифицируется под влиянием процессов глобализации, виртуализации, расширения влияния идей постмодерна.

6. К характерным чертам второго этапа развития футурологии следует отнести имманентную мозаичность прогностических концепций, поливариантность, полисценарность, использование принципа взаимодополнительности.

Апробация работы

1. По теме диссертации были опубликованы 4 статьи автора, суммарным объемом в 2 п.л. (см. список публикаций в конце Автореферата).

2. Материалы диссертации внедрены в учебный процесс МГУКИ, были использованы при разработке учебных курсов «Теоретическая этнология», «Этногенез» и «Социальная конфликтология», читаемых в Высшей школе культурологии МГУКИ.

3. По материалам диссертации соискателем были зачитаны два доклада на ежегодных аспирантских конференциях Высшей школы культурологии «Современные проблемы исследований культуры»: в 2005 г. (№9) на тему «Культурное многообразие как необходимый фактор выживания человечества», и в 2006 г. (№10) на тему «Глобализация: компаративный анализ современных научных позиций». Тексты выступлений публиковались на сайте Высшей школы культурологии <http://yanko.lib.ru/hi-school/index.html> в марте-июне 2005 г. и в марте-июне 2006 г.

4. Диссертация прошла обсуждение и была рекомендована к защите на заседании кафедры культурологии и антропологии от 12 июня 2006 г. (Протокол №12).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав и заключения (общим объемом 183 с.), списка источников и литературы (10 с.).

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во Введении характеризуется актуальность работы, описывается степень исследованности темы, ее цель, задачи, объект, предмет, научная гипотеза, методологии и методы, новизна, теоретическая и практическая значимость, формулируются положения, выносимые на защиту.

Глава 1 «Происхождение и развитие социокультурного прогнозирования в контексте развития западноевропейской цивилизации» рассматривает этап формирования футурологии и ее развития до радикальных перемен рубежа 1980–1990-х гг.

Параграф 1.1 «Возникновение и специфика социокультурной прогнозистики» посвящен ее возникновению на Западе и сущности этого направления науки.

Футурология – это не предсказание, а скорее история обозримого будущего, модель которого выстраивается методом экстраполяции наблюдаемых тенденций развития (трендов) в будущее и предположений о наиболее вероятных путях эволюции этих трендов. Это и отличает футурологию от предсказаний, основанных лишь на субъективных пожеланиях авторов. Другим существенным отличием является то, что предсказания обычно описывают лишь один безвариантный путь развития событий, в то время, как футурологи – поливариантный с разной степенью вероятности того или иного варианта. При этом следует отметить, что по мере развития технической цивилизации, динамика общества становится все более «организованной в своей стихийности», подчиняющейся определенным закономерностям и тенденциям, а значит и научно прогнозируемой.

Исторические истоки футурологии следует искать в работах древних и средневековых утопистов (Платона, Мора, Кампанеллы). По мнению ряда авторов, научная футурология родилась в 1920-е гг. в СССР, плановый характер развития которого в обязательном порядке предусматривал и определенное прогнозирование ближайшего будущего. Но самостоятельной наукой (по крайней мере, на Западе) футурология стала после Второй мировой войны и конституировалась примерно в 1960-х гг., что было связано с процессом перехода к постин-

дустриальной стадии развития и необходимостью предвидеть, что она с собой несет. Первой международной футурологической организацией стал Римский клуб, а первой масштабной работой – его доклад «Пределы роста» (1972).

Уже на ранней стадии своей работы футурологи самое пристальное внимание уделили методологии прогнозирования. Фактически в футурологии сложились два основных направления: позитивистское, пользующееся методом «редуцирования перспективы» к проверяемому факту, и феноменологическое, апеллирующее к интуитивному определению наиболее перспективных трендов. Важнейшим направлением прогнозирования является улавливание возможных «флуктуаций развития», отклонений от пути, выявляемого сегодня. Именно потому, что далеко не все пути развития можно заведомо «просчитать», многие футурологи придают такое значение научной интуиции. Важнейшая стадия выстраивания прогноза – системный анализ составляющих проблемного поля. Системный анализ позволяет не только объяснить исследуемые процессы, но и предположить альтернативные пути их развития.

Таким образом, выстраивается прогностическая модель будущих событий, обычно включающая несколько альтернативных «сценариев». При этом приверженцы методов экстраполяции в будущее наблюдаемых тенденций часто оказываются в плену доминирующих процессов, в то время как сторонники методов интуиции шире применяют модель альтернативных сценариев, хотя их прогнозы позволяют наметить лишь самые общие «профили будущего».

В типологии прогнозов на будущее можно выделить несколько направлений, например, оптимистическое/пессимистическое, но наиболее обоснованным представляется деление на типы прогнозов глобального развития и динамики отдельных сфер бытия. В рамках последнего можно выделить масскультурное, экологическое, аксиологическое и христианскую футурологию. По этой структуре и будут строиться следующие параграфы данной главы.

Параграф 1.2 «Концепции постиндустриальности как осмысление перспектив развития Запада» рассматривает наиболее известные концепции глобального развития. Как уже говорилось выше, сама футурология возникла как

попытка осмысления перспектив постиндустриального развития. И ядром футурологии в 1960–1980-е гг. была именно концепция постиндустриальности.

Концепция Д.Белла

Базовой концепцией футурологии периода до начала 1990-х гг. являлась концепция постиндустриального развития Д.Белла. Ученым была предложена система сущностных, доминантных признаков постиндустриального общества, в таких работах, как «Конец идеологии» (1960), «Становление постиндустриального общества» (1973), «Противоречия капитализма в сфере культуры» (1976).

Согласно Д.Беллу, определяющее место принадлежит производству теоретического знания. Теоретическое знание в постиндустриальном обществе обретает новый статус: оно превращается в источник инноваций и стимул появления наукоемких отраслей промышленности. Особенностью постиндустриального общества явится соединение науки, техники и экономики, что находит выражение в приоритете научных исследований и разработок. Ориентированность в будущее предполагает контроль за технологиями и производство моделей технологического прогноза. Возникают новые интеллектуальные технологии, используемые в принятии управленческих решений. Интеллектуальные технологии предполагают использование алгоритмов. Будет создана возможность реализовывать алгоритмы в автоматическом режиме, в компьютерной программе.

Белл полагал: для постиндустриальной стадии характерен переход от производства вещей к производству услуг. Возникают изменения и в распределении занятий: наблюдается рост интеллигенции и «технического класса». Возникнет новая элита, основанная на квалификации и получаемом образовании. Социальные пропорции информационного общества претерпят трансформацию – на смену «коммерческой элите» придет «элита знания». Такая элита будет обладать властью в пределах институтов, связанных с интеллектуальной деятельностью, но в мире большой политики она будет пользоваться не более чем влиянием.

Изменится и характер власти. В постиндустриальном обществе важнейшие решения относительно роста экономики и направленности политики будут исходить от правительства, но основываться на научных исследованиях и разработках,

на анализе соотношений «стоимость – эффективность». Распространение образовательных и интеллектуальных институтов станет главной заботой общества

В 1989 году вышла работа Д Белла «Социальные рамки информационного общества», которая явилась вариантом синтеза идей постиндустриализма и информатики. Именно здесь был введен термин «информационное общество». Он подчеркивал не последовательность ступеней общественного развития, а доминанту социальной структуры постиндустриального общества – информацию.

Концепция Э.Тоффлера

Другой общепризнанной концепцией постиндустриальности стала теория, разработанная Э.Тоффлером в ряде работ: «Шок будущего» (1970), «Доклад об экоспазме» (1975), «Третья волна» (1980) и др. Тоффлер осуществляет сопоставление индустриального и постиндустриального общества, сравнивает их экономическую основу, особенности управления, исследует психологические характеристики индивидов, включенных в процесс производства и приходит к выводу о том, что не только высокий уровень инновативности характеризует новое общество, но и демассификация и дестандартизация всех сторон политической и экономической жизни. Изменение характера труда и межличностных отношений изменяет систему ценностей и ориентации человека на психологические, социальные и этические цели. Изменяется и профессиональная характеристика индивида, прошедшего многоуровневое обучение, обладающего не только мастерством, но и информацией, развитого не только физически, но и интеллектуально. Вместе с тем, наступает и эпоха трансформации социальных связей, доминирования индивидуального выбора в интересах и потребностях. Метафорически Тоффлер назвал этот этап «третьей волной».

В отличие от Д.Белла, который делает акцент на производстве знания, акцент Тоффлера – на динамике информационных связей. Если в традиционном обществе «первой волны» наблюдался дефицит образов и информационно насыщенных сведений, «вторая волна» была эпохой господства СМИ и созданной ими системы имиджей, то «третья волна» размывает эту «имиджевую базу» как целостность. Отсюда – разовые предметы потребления, одноразовое искусство

(хэппенинг), избегание долговременных контактов, прочных эмоциональных связей, т.е. индивидуализация образа жизни.

Этот новый тип, который Тоффлер обозначает как клип-культуру, формирует такие уникальные формы восприятия, как «зэппинг», когда путем безостановочного переключения каналов TV или листания газет создается новый образ, состоящий из обрывков информации и осколков впечатлений. Новационным здесь становится отказ от моральных и идеологических истин прошлого, от собранного и систематизированного социального опыта, от соотносящихся друг с другом идей, от структурно целостной информации. Именно поэтому публика чувствует себя «вырванной из пространства осмысленной информации» и «старых концептуальных теорий».

Тоффлер оптимистически оценивает перспективы роста субъекта «третьей волны». В этой спецификации мышления футуролог видит формирующуюся способность к восприятию огромных массивов информации, пульсирующих и растущих потоков данных, что соотносится с требованиями новой социальной и технологической реальности. Для успешной социальной и информационной адаптации в подобных условиях субъект новой культуры вынужден постоянно обновлять свою собственную «базу данных».

Таким образом, уровень потребляемой культуры становится иным: массовая существует как универсальный механизм, обладающий компенсаторной и рекреативной активностью, удовлетворяя нужды значительной части общества, однако она перестает быть единственной, удерживающей монополию на массовое сознание. Элитарная же культура теряет свое значение чуждой и недоступной массам, но, наоборот, начинает выполнять роль культурного образца и занимает в иерархии ценностей достойное ее место. Именно это Тоффлер и обозначает как индивидуализацию личности и демассификацию культуры.

Теория конвергенции. Технофобия.

Интересную концепцию постиндустриального общества в виде теории стадий роста предложил У.Ростоу. Она содержит анализ исторического развития в Новое и Новейшее время, осуществляемый на основе «метода стадий» —

идеально-типологического выделения этапов хозяйственного роста общества. В основе теории стадий роста лежит дихотомия традиционного и современного общества. Стадиальная теория, оформившаяся к концу 1960-х гг., была подвергнута критике за «технологический детерминизм»

Мы не можем не обратиться и к теории конвергенции, которой отдали дань Дж.Гэлбрейт, П.Сорокин, Ж.Фурастье, Ф.Перру, Т.Парсонс и др. Концепция конвергенции никем из названных авторов не рассматривалась как императив развития, а скорее, как идеальное пожелание. Сущность этой теории заключалась в постепенном сближении социализма и капитализма и создании нового общества, заимствующего лучшее из обеих систем. Разные авторы предлагали разные пути подобного «взаимопрорастания». При всем своем утопизме теория конвергенции сыграла существенную роль в становлении футурологии как науки, несмотря на то, что так и осталась благим пожеланием.

Совершенно в другой плоскости теория постиндустриальности получила освещение в трудах Х.Арендт, Г.Маркузе, Л.Мэмфорда, Х.Маллера, В.Феркисса, У.Фонсе, писавших о дегуманизирующей и репрессивной функции технологии. В научной литературе принято характеризовать это направление как «технофобизм». Для его представителей постиндустриализм и технология – причины отчуждения человека от общества, от других людей и самого себя. Это мировоззренческая модель, аккумулирующая их антисаентистские, антипозитивистские и отчасти неомарксистские взгляды.

Характерным примером данного течения является критическая теория Г.Маркузе, изложенная в книге «Одномерный человек» (1964) и др. В ней автор говорит о том, что современное общество стало тоталитарным, т.е. лишило все критические идеи оппозиционности, встроив их в себя. Тем самым индивид лишается основы, на которой он мог бы развить автономию, а тем более противостоять обществу. В основании современной постиндустриальной цивилизации лежит определенный исторический проект, а именно технологический. Доминирующим в отношении европейского человека к природе является стремление поработить ее. Но это стремление оборачивается против самого человека. В

этом проявляется «иррациональность репрессивной рациональности», которая чревата катастрофой и для природы, и для человека.

Одной из наиболее значимых модификаций постиндустриальности является и концепция «открытого общества», сформулированная К.Поппером в книге «Открытое общество и его враги» (1945). В ней заложена идея преодоления методологических установок «историцизма» как адекватного теоретического обоснования ценностей тоталитаризма. Поппер рассматривал «историцизм» как еще одно средство защиты «закрытого» общества. «Закрытым», по Попперу, выступает общество, организованное на основе авторитарно установленных неизменных норм. Открытое общество основано на высоком и зрелом критическом потенциале человеческого разума, стимулирующем инакомыслие и интеллектуальную свободу как индивидов, так и социальных групп, направленную на непрерывное реформирование социума в целях разрешения его проблем. Демократия указывает путь в реальное открытое общество.

Параграф 1.3 «Локальные прогнозы по разным сферам жизни 1960-1980-х гг: культурологический анализ» рассматривает футурологические концепции в отдельных сферах бытия.

Массовая культура

Под массовой культурой понимаются низкокачественные культурные запросы, свойственные малообразованным слоям населения, в большинстве своем мигрантам, составляющим ныне основную массу населения мегаполисов. Основным фактором в ее становлении является процесс индустриализации и урбанизации. Разрушение деревенского сообщества, упадок религии, распространение механического и отчужденного заводского труда, адаптивная модель жизни в большом городе, очень примитивное образование – все это лежит в основе массового общества и массовой культуры.

В основе этой модели на протяжении всего XX в. лежала дихотомия, основанная на противопоставлении массового и элитарного в культуре. Одним из первых эту тему стал развивать испанский философ Х.Ортега-и-Гассет, который, не являясь футурологом, тем не менее, обусловил направленность даль-

нейшей разработки этой темы. По Ортеге, обезличенная «масса» – скопище посредственностей, – вместо того, чтобы следовать рекомендациям «элитарного» меньшинства, поднимается против него, вытесняет «элигу» из традиционных для нее областей – политики и культуры, что, в конечном счете, приводит ко всем общественным бедам нашего века.

Показательно, что Д Белл представил оптимистический вариант доктрины массового общества, где масса – однородная, преобладающая часть населения, удовлетворенная своим положением и отказавшаяся от борьбы, поскольку «определенный образ жизни, права, нормы и ценности, стремления, привилегии, культура... – распространяется теперь на всех».

По-своему к этому вопросу подошел канадский ученый М.Маклюэн. Он считает, что технические открытия XX века – это достижение не столько в области экономики, сколько в области социальной, где через массовую культуру, ее символы и знаки индивид имеет возможность открыть часть себя, адекватно себя оценить и верно идентифицировать. В своей работе «Галактика Гутенберга» (1962) Маклюэн предложил рассматривать историю культуры как процесс смены средств массовой коммуникации. Он делит историю на три этапа – до-письменный, письменный (визуальный) и современный аудиовизуальный, рождением которого и стала массовая культура.

Глубокому и систематическому анализу массового человека посвящены работы французского исследователя С.Московичи «Век толп» (1981) и «Машина, творящая богов» (1988). В этих исследованиях обосновывается, что в результате урбанизации, индустриализации, глобализации и т.д. массы начали играть особенно значимую роль. Поэтому, по мнению Московичи, психология масс наравне с политэкономией является одной из двух наук о человеке, идеи которых составили историю, поскольку они конкретно указали на главные события нашей эпохи, на «массификацию», «массовизацию» многих или даже всех стран. Таким образом, изучение психологии масс стало одним из неотъемлемых компонентов социокультурного прогнозирования.

Бинарная оппозиция массового и элитарного весьма актуальна и для одного из крупнейших современных социологов П.Бурдьё. В книге «Воспроизводство в образовании, обществе и культуре» (1977) представлены исследования, проведенные среди групп населения, характеризующихся различным уровнем образования и социальным положением, показывающие, каким образом «культуривированные диспозиции» и культурная компетентность проявляются в типе потребляемых культурных продуктов и способе их потребления. В результате исследования было установлено два важных факта: во-первых, существует тесная связь культурных практик с «образовательным капиталом» и социальным происхождением, во-вторых, при равных уровнях образовательного капитала вес социального происхождения (желательно «из низов») увеличивается по мере удаления от наиболее «легитимных» областей культуры.

Экологическая перспектива

Как таковая экологическая футурология возникает в конце 1960-х – начале 1970-х годов. Иногда ее начало связывают с началом деятельности Римского клуба, и непосредственно – с выходом в свет работы «Пределы роста». Мы не будем рассматривать здесь вопросы «вредных производств», «захламления» территории Земли, понижения объемов кислородовыделяющей биомассы, опасности глобального потепления и т.п., как не имеющих прямого отношения к теме диссертации.

К наиболее влиятельным работам этого времени следует отнести трактаты, посвященные демографическим перспективам. В них четко просматривался так называемый закон Т.-Р.Мальтуса, и вполне естественно, что это направление демографии и футурологии стало называться неомальтузианским. Одной из самых одиозных фигур среди неомальтузианцев считался П.Эрлих, который в период формирования экологической футурологии выступил с мрачными пророчествами и антигуманными рекомендациями в связи с перенаселением планеты и невозможностью прокормить такую массу людей.

В последние годы проблема биологического выживания вытесняется проблемой качества жизни, ликвидации индивидуализма и неравенства в уровне

потребления. В противовес концепции последовательного и интенсивного роста человечества была выдвинута теория роста «качества жизни» (Ф.Сен-Марк и др.). Концепция «качества жизни» вошла в состав теорий, которые можно отнести к экологическому направлению в футурологии.

Проблемы аксиологии

Следующим направлением развития футурологии на заре ее становления явилась аксиологическая проблематика. Основой этого направления стали философские работы Э.Фромма. Фромм указывает путь к построению здорового общества, то есть осуществляет социокультурное прогнозирование. Этот путь – гуманизация общества методами социальной терапии. Он подчеркивает, что невозможно создать здоровое общество без создания гармоничного здорового человека и выдвигает конкретный проект создания такого общества.

По мнению Фромма, есть два способа существования человека – бытие и обладание («Иметь или быть», 1976). Он доказывает, что порочность современного общества вызвана именно все увеличивающейся переориентацией на обладание. Возврат к теории и практике радикального гедонизма Фромм объясняет расцветом индустриальной системы формирования человеческих ценностей, где бурный расцвет производства ориентирован на максимальное потребление. Культ эгоизма в индустриальном обществе приводит к порождению заведомо несчастных людей: одиноких и ощущающих свою зависимость.

Выход из этой ситуации Фромм видит в фундаментальном изменении ценностей и установок человека. Метод построения здорового общества – переориентация характера человека, ценностная установка на бытие в противовес обладанию. В качестве обязательных предпосылок бытия, как способа существования, указывается на наличие у человека независимости и критического мышления, которое приводит к продуктивной ориентации характера. Философ доказывает, что продуктивную ориентацию характера способны иметь все люди, ибо потребность в ней коренится в самой человеческой природе. Но, к сожалению, она подавляется установкой на обладание, рыночной ориентацией характера, которая в современном обществе является универсальной.

Аксиологическая проблематика занимает видное место и в работах 36. Бжезинского, С.Хантингтона и некоторых других футурологов.

Футурология христианства

Анализ перспектив развития христианства является одним из значительных направлений западной футурологии. Следует отметить многообразие авторских позиций в этой области, которое обусловлено наличием или отсутствием религиозных убеждений самих исследователей.

В соответствии со взглядами большинства исследователей (К.Дэвис, Д. Гольдшмидта и др.), эпоха постиндустриального развития должна привести к определенному росту религиозности населения Запада. Это связано с тем, что вал информационных новаций и массовизации форм жизни, накатывающийся на человечество, неизбежно должен быть скомпенсирован каким-то обращением человека к внутренним, традиционным для него культурно-психологическим альтернативам. Наиболее вероятной компенсацией, скорее всего, станет рост религиозности.

Вместе с тем это не означает, что именно христианство займет эту нишу. Перспективы иных религиозных течений (и в первую очередь восточных), так же как и синкретических культов, оцениваются столь же высоко.

В Главе 2 «Динамика социокультурного прогнозирования под влиянием философии постмодерна и процессов глобализации» анализируется процесс развития западной футурологии после 1990 г.

В параграфе 2.1 «Философия постмодерна и события глобализации как факторы динамики методов социокультурных прогнозов» рассматриваются постмодерн в числе основных философских течений современности, и события глобализации, оказавшие наибольшее влияние на футурологию и приведшие ее к определенной трансформации. Хотя философское направление постмодерна возникло практически одновременно с футурологией, лишь в течение 1980-х гг. философами-постмодернистами были поставлены вопросы, заставившие многих футурологов серьезно откорректировать свои прогнозы.

Прежде всего – это проблема виртуализации бытия и сомнительной достоверности тех данных, на базе которых футурологи выстраивают свои прогнозы. Теории нарратива в изложении истории и симулякра в освещении современных событий самым серьезным образом поставили под сомнение обоснованность тех трендов, на которые опирались футурологи, и подняли вопрос об их ангажированности. Постмодернисты актуализировали и вопрос о мифологичности той культуры, в которой мы еще живем. Вместе с тем, критике подверглась установка футурологов, что человечество так уж легко расстается со своим прошлым во имя умозрительных идей прогресса.

Все это подняло проблему того, что футурологи в своих прогнозах очень мало уделяют внимания культуре и культурным процессам. А это наименее предсказуемые процессы и, одновременно, мотивация, в наибольшей степени влияющая на решения людей. Сюда же вписывается и концепция ризомы, постулирующая «броуновский» характер развития культурных процессов. Хотя очень многие установки постмодернистов еще научно не доказаны и имеют характер лишь интересных гипотез, под их влиянием футурология заметно снизила пафос императивности своих прогнозов и в существенной мере перешла на развертывание систем альтернативных сценариев. Но главное, что поняли футурологи, – это «преступное» пренебрежение динамикой культуры как процессом, который очень сложно спрогнозировать в качестве тренда, но который нередко оказывает решающее влияние на историю будущего.

Другим событием, оказавшим несомненное влияние на трансформацию футурологии последних лет, стал процесс глобализации – как первая проверка обоснованности прогностики футурологов. Следует отметить, что многое в нынешней глобализации было предсказано футурологами с достаточной точностью; но главным недостатком прогнозов оказалась все та же культура и ее влияние на развитие общества. Это, прежде всего, активная мультикультурация не столько даже информационного поля, сколько вещевого окружения людей, интернационализация рынка товаров повседневного спроса, серьезно повлиявшая на многие интересы и погрешности и даже образ жизни того самого массо-

вого общества. Такой интернационализации массовых вкусов и предпочтений футурологи явно не предвидели.

Таким образом, под влиянием постмодерна и глобализации футурология 1990-х гг. – начала XXI века стала, во-первых, гораздо более осторожной в категоричности своих суждений, существенно более поливариантной, и, во-вторых, радикально развернулась лицом к проблемам культурного развития, как фактора, не менее важного, чем политические и экономические тренды.

Параграф 2.2 «Новейшие направления западной социокультурной прогностики» рассматривает современное состояние этой науки.

Структура современной футурологии

Структура прогнозов на будущее в существенной мере отражает принимаемую ныне структуру человеческого общества. Подавляющее большинство футурологов отказалась от традиционной для XX века структуризации человечества на самодостаточные цивилизации (кроме С.Хантингтона) и остановились на дихотомии техногенные/традиционные общества. Одновременно был выделен и ряд технологий, развитие которых должно определить будущее.

Все новейшие западные футурологические концепции можно разделить на 4 группы, хотя в каждой из них можно выделить как «оптимистические», так и «катастрофистские» (иначе говоря – пессимистические) позиции:

1. Либеральный научный мейнстрим, авторы которого пропагандируют либерально-прогрессистский взгляд. Здесь «оптимистами» являются американцы Зб.Бжезинский, Э.Тоффлер, Ф.Фукуяма. «Пессимистами», а точнее критиками наблюдаемых процессов – англичане З.Бауман и Э.Гидденс, американец С.Хантингтон и известный немецкий социолог Ю.Хабермас. При этом следует отметить, что концептуальный подход Э.Гидденса, при всей его приверженности идеям либерализма, радикально отличается от прочих – он полагает, что «постмодернити» – это фантом, симулякр, идущий от самих постмодернистов.

2. Контркультурная футурология является порождением протестного потенциала массовой культуры 1960-х гг. Ее представляют такие авторитеты еще молодежной психоделики 1960-1970-х гг., как Т.Лири, К.Беккер, Д.Рашкофф.

Все они «произросли» из работ Г.Маркузе и М.Маклюэна. Они называют себя «киберпанками» и наибольший оптимизм проявляют в отношении биотехнологий (генной инженерии, психофармакологии, биологических нанотехнологий), которые, по их мнению, должны изменить человека.

3. Конструктивная критика капитализма, экономического либерализма и консьюмеризма с позиций так называемого «холистического», т.е. – планетарного миропонимания и представлений о другом масштабе будущего развития (а отчасти и позиций неомарксизма) развивают основатель школы миросистемного анализа И.Валлерстайн и видный футуролог-синергетик Э.Ласло. Оба они являются несомненными «оптимистами» и видят позитивный выход именно в глобализации, т.е. развитии миросистемных процессов. Несколько особняком от них стоит критик капитализма П.Дракер.

4. Консервативная позиция, для авторов которой характерны охранительные и мемориальные культурные ориентации применительно к западной цивилизации и откровенный скепсис касательно ее дальнейших изменений. Наиболее ярким представителем консервативной позиции в футурологии несомненно является ультраконсервативный американский политик П.Бьюкенен.

В параграфе проводится подробный анализ взглядов всех названных авторов с акцентом на различиях в этих взглядах.

Профили прогнозов

Геополитика Большинство исследователей полагает, что ближайшие десятилетия США сохраняют за собой ведущую роль в мировой политике. Однако гегемонию США эти же исследователи оценивают по-разному. Зб.Бжезинский и Э.Тоффлер полагают, что США уже стали новым системообразующим государством Западного мира. В таком подходе проявляется западный универсализм, критиком которого выступает С.Хантингтон. Являясь сторонником теории локальных цивилизаций, он предрекает череду как локальных, так и больших войн по линиям «цивилизационных разломов» – по границам цивилизаций. По мнению Хантингтона, историческое будущее за Азией.

Позицию Хантингтона в своеобразном ракурсе разделяет и консерватор П.Бьюкенен. Он убежден, что западные страны не смогут долго сохранять лидирующее положение в мире в связи с потерей нравственных ориентиров, утратой традиционных религиозных ценностей, резким сокращением численности населения; и Запад неизбежно потерпит поражение в столкновении с исламом. Важность исламского фактора отмечают практически все исследователи. Говоря о влиянии исламского фактора и полемизируя с Ф.Фукуямой, Э. Тоффлер замечает, что вместо конца истории мы встречаемся с новой агрессивной идеологией, способной привести к концу демократии.

И.Валлерстайн уверен, что следующие 25–50 лет будут отличаться не столько развитием мирового рынка, сколько активностью мировых политических и культурных структур. Он полагает, что Америку ждет упадок и утрата роли державы-гегемона. На геокультурной сцене не будет господствующего общепринятого дискурса, и «даже формы культурной дискуссии сами будут предметом дискуссии». В этой ситуации решительные действия малых государств, таких, как Израиль или Армения, могут переменить общую тенденцию.

Технологии. Можно выделить три группы технологий, определяющих социокультурные перспективы человечества: информационные технологии, биотехнологии, а также высокие технологии в области энергетики. Наиболее важное значение росту потребления энергии, как вызову ближайшего будущего, придает Э.Ласло. В поисках ответа на этот вызов Ласло полагается не столько на развитие высоких технологий, сколько на сознательность людей, которым надлежит сократить потребление энергии, снизив его с избыточного уровня до необходимого.

Экономика. Авторы всех западных футурологических концепций вне зависимости от своей научной ориентации сходятся в том, что экономика ближайшего будущего – это «экономика знания». Интересными представляются два прогноза Э.Тоффлера. Первый – о том, что «быстрые» (цифровые) экономики будут все более автономизироваться от медленных (индустриальных). Второй прогноз предрекает резкое уменьшение зависимости постиндустриальной эко-

номики от сырья и энергоресурсов. Следствием тому будет удар по экономике стран, которые видят свое развитие на основе экспорта сырья.

С.Хантингтон, однако, считает, что с ходом глобализации произойдет усиление экономической и цивилизационной самоизоляции отдельных регионов и противостояния глобальным тенденциям универсализации. И.Валлерстайн предрекает, что на смену экономической и политической гегемонии США придет Японо-Американский союз, в котором США будет отведена роль младшего партнера, а основным конкурентом нового союза будет ЕС.

Интересно, что прогноз о ведущей роли Японии целиком разделяют и контркультурные футурологи. Впрочем, прогнозы контркультурного киберпанковского сообщества идут дальше и прямо утверждают картину мира будущего, в котором нет национальных границ, но есть сферы влияния транснациональных корпораций, пришедших на смену национальным государствам

Общество и личность. По мнению большинства авторов, существующие устойчивые демографические тенденции приведут к «старению» общества в странах западной цивилизации. Еще одной тенденцией, которую выделяет большинство, является усиление специализации и уровня образованности работающего индивида. В результате воздействия обеих тенденций индивиду перестанет хватать знаний, полученных в юности. Ф.Фукуяма считает, что каждый человек, желающий сохранить свою компетентность, будет вынужден получать дополнительное образование.

Практически все исследователи отмечают еще одну тенденцию. Все более космополитичной и мультикультурной становится отдельная личность. Чем выше уровень специализации личности, тем более высоким уровнем международной компетентности она должна обладать. Однако С.Хантингтон полагает, что, несмотря на то, что специалисты в области высоких технологий становятся все в большей степени подлинными космополитами, а в материальной и технологической сфере наблюдается интенсивно нарастающее единство мира, в локальных сообществах (цивилизациях) нарастает обратная тенденция: растет уровень культурной изоляции, в системе ценностных приоритетов на первое место выходят национальная и цивилизационная идентичность.

В постиндустриальном обществе, по мнению некоторых исследователей, резко снижается роль вертикальной коммуникации и возрастает роль коммуникации горизонтальной – так называемые «сетевые» структуры. Есть исследователи, проповедующие универсальный характер теории сетевых структур. Один из наиболее последовательных – М.Кастельс. Интересным представляется прогноз И.Валлерстайна о грядущем глобальном кризисе государства, которое будет не в силах модернизировать постиндустриальное сетевое общество.

Экология. Большинство исследователей солидарны в том, что постиндустриальный мир – это мир экологического кризиса. Однако большинство футурологов старается обходить эту тему, возможно, основываясь на том, что катастрофические предсказания Римского клуба за истекшие десятилетия в большинстве своем не сбылись.

Но абсолютное большинство экологических прогнозов являются неблагоприятными для человечества в целом. Оптимизм может основываться лишь на том, «что мир сделает выбор в пользу разумного самоограничения». Однако даже оптимисты отдают себе отчет в том, насколько человечеству будет трудно решиться на такой шаг. Ведь на непрекращающийся рост материального производства всегда возлагались большие надежды, на нем строятся личные карьеры, зиждется вся современная промышленная цивилизация.

Этика. Видимо, наиболее актуальной проблематикой *всех* футурологических концепций является этика нового общества. В поисках этой этической составляющей существуют два методологических подхода, но ни один из них нельзя назвать строго научным. Первый (консервативный) основывается на мемориальных культурных ориентациях и призывает актуализировать так называемые вечные ценности – религиозные по своему генезису. Второй – предлагает разработать радикально новую соответствующую цивилизационным вызовам времени этическую систему или – до некоторой степени – дополнить существующую систему ценностей, чтобы она соответствовала этим вызовам.

Ф.Фукуяма ищет этические нормы в самой природе человека. Постулируя, что этос сокрыт в природе человека, он выдумывает некий «фактор икс», имма-

нентно присущий человеку и определяющий его здоровое нравственное начало. «Фактор икс» непосредственно связан со сложностью человеческой натуры, и биотехнологии могут повредить его, поскольку способны уменьшить нашу «сложность». По мнению Фукуямы, модернизированная этика постиндустриального общества должна естественно основываться именно на «факторе икс» человеческой природы...

К созданию новой планетарной этики призывает Э.Ласло. Он полагает, что в западной цивилизации в ближайшее время произойдет макросдвиг, затрагивающий как технологическую и экономическую, так и социокультурную сферы. Сегодня, по мнению Ласло, техногенная цивилизация находится в точке бифуркации и испытывает системный кризис. Выйти из кризиса поможет лишь новая планетарная этика.

Но, как справедливо замечают многие исследователи, этос шире рациональных поведенческих паттернов и утилитарных норм. Этос – это культура, а ей вообще свойственно отличаться произвольностью.

Параграф 2.3 «Современные прогнозы культурной динамики» выводит нас на уже собственно культурную составляющую футурологических прогнозов. Направленное исследование проблемы транснационального культурного пространства связано с появлением таких футурологических теорий, в которых значительное место уделяется именно изменениям, происходящим в культуре. Но по своим концептуальным выводам, а во многом и по характеру аналитических разработок они непосредственно проникают в проблемную область культурологии и вносят вполне определённый вклад в теорию культуры.

В своем исследовании «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» (1996) М.Кастельс предлагает концепцию информационной культуры, основанную на глубоком и всестороннем анализе экономических, социальных и культурных аспектов и перспектив развития современного мирового сообщества. Между тем, остается открытой проблема возможности и социально-экономической обусловленности существования и развития массовой культуры в рамках информационного общества, где трансформировалась, атомизировав-

шись, и сама масса, и культура, ее обслуживавшая. Кастельс, обращаясь к проблеме функционирования культурной индустрии, отмечает, что последняя ориентируется, во-первых, не на удовлетворение креативных потребностей личности, а на «экономику здравого смысла». Во-вторых, новые экономические формы достаточно стандартизированы, что предполагает и некоторую, достаточно существенную, унификацию культурного продукта. Об этом, среди прочего, свидетельствует тот факт, что доминирующая стратегия в обогащении культуры, связанная с потенциалом новых коммуникационных технологий, направлена не на области здравоохранения или образования, а на разработку гигантской системы электронных развлечений.

Нам представляется необходимым обратиться к анализу концепции Р. Робертсона, которого называют пионером в изучении глобализации и одним из отцов теории глобализации культуры («Глобализация. социальная теория и глобальная культура», 1992). С точки зрения Робертсона, глобализация структурирует мир как единое целое. Такая интерпретация преодолевает аналитические противопоставления глобального локальному, универсального частному. Вскрывая проблемы и противоречия текущего процесса уплотнения связей между различными «актерами мировой сцены» – национальными обществами, человеческими индивидами, транснациональными организациями, автор подчеркивает, что вскрыть сущность этого процесса можно и должно через рассмотрение вопроса о структуре «мирового порядка в самом широком смысле».

Не менее важным аспектом в рассмотрении глобального контекста, как подчеркивает Робертсон, является вопрос концептуализации культуры. Известно, что в современной культурологии интерпретация культуры осуществляется либо с позиций редукционистского подхода, либо с позиций так называемого расширительного подхода. В первом случае, отмечает он, делается упор на «символическое выражение, текст, риторику, дискурс и так далее», а во втором «идеей культуры хотят описать практически всякую область жизни человека». Именно концептуализация культуры как представительского поля и имеет, по

мнению Робертсона, огромное значение для понимания сущности глобального контекста

Нам представляется интересной и весьма оригинальной концепция культурной динамики индийского футуролога А. Аппадурай («Модернити в широком смысле», 1996). Немаловажную роль в выдвинутой им концепции глобализации культуры играет образ «постнационального» мира, рождение которого наблюдается в наши дни. Ученый затрагивает комплекс вопросов, направленных на выявление динамики развития современного мира – таких, как этническая принадлежность и групповая идентичность, проблема патриотизма, появление децентрализованных транснаций

В определении «постнациональный» Аппадурай вкладывает несколько значений. Во-первых, это определение указывает на переход человечества к глобальному порядку, при котором неизбежно обветшание национального государства и появление на мировой арене новых объектов и форм лояльности, рождение новых идентичностей. Во-вторых, в этом определении присутствует мысль о возникновении таких альтернативных моделей организации глобальной «перекачки» ресурсов, образов и идей, культурных форм, которые окажутся способными конкурировать с национальной государственностью, либо послужат фактором возникновения надгосударственной крупномасштабной политической лояльности. В-третьих, определение «постнациональный» подразумевает, что по мере увядания способности национального государства монополизировать лояльность своих граждан возникнут и распространятся такие нормы, которые не будут испытывать нужды в административной опоре.

Вышеизложенное вовсе не означает, что, говоря о перспективе постнационального мира, Аппадурай предрекает безоговорочную капитуляцию национального государства в процессе глобализации. Ученый лишь подчеркивает кризисное состояние национальной государственности, обнаруживающееся повсеместно, хотя и не в равной степени. Частично этот кризис выражается во все более жестких отношениях между национальным государством и его «постна-

циональными соперниками» К таковым Аппадурай относит, в частности, диаспоры и международные некоммерческие организации

Глобализация и религия

В контексте нашего исследования нас интересует связь религии с глобализацией — связь, интенсивно исследовавшаяся социологами, но остающаяся во многом непроясненной. Глобализацию демонизируют, наделяют космическими чертами и даже уподобляют религии Д.Хопкинс, полагающий, что глобализация сама по себе является религией, пишет, что бог этой новой религии — концентрация финансового капитала.

Итак, глобализация превращает мир в единое целое и даже если не приводит к глобальной культурной и религиозной конвергенции, то делает встречу религий и культур неотвратимой. Но интересно, что массы людей, живущих в глобальной деревне и покупающие товары на глобальном рынке, не выказывают горячего стремления к смене своих религиозных принадлежностей. В одних уголках планеты люди манифестируют непреклонную преданность своим старым, «доглобальным» религиозным идентичностям, в других — их религиозность приобретает некие имплицитные, или «замещающие» формы. Но, в любом случае, мы не видим ни мирового масштаба сдвига к поиску религиозных альтернатив, ни, тем более, возникновения некоей общей для землян «глобальной религии». Новые (или сравнительно новые) глобальные религиозные культуры появляются рядом со старыми, но не заменяют их полностью.

Теоретические рассуждения о развитии современной культуры позволяют сделать следующие выводы. Новые идентичности под влиянием глобализации, уменьшающей значение старых границ, коллективов и самоосознаний, могут возникать на базе старых цивилизаций, чаще всего имеющих религиозные основания. Их возникновение будет происходить легче там, где этому будут способствовать определенные условия — чувство солидарности между членами новой общности, представление об общем происхождении и память об общем прошлом, общность актуальных интересов, ясная перспектива общего будущего.

транснациональная организация и мощный центр притяжения, возможно, общий враг и общая опасность, консолидирующие новое сообщество

В **Заключении** диссертации подводятся итоги проведенного исследования и делаются выводы по теме

ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

1. Этика нового общества в прогнозах современных западных футурологов // Вестник МГУКИ. – 2006 – №4. – С. 41 – 43.
2. Глобализация и современность в трудах А.А.Зиновьева // Объединенный научный журнал. – 2006 – № 18 – С. 13 – 15.
3. Постсоветский либерализм как идеология и практика развития России: попытка использования западного опыта // Федерация. – 2006 – №10 – С. 40 – 42;
4. Личность и общество будущего в оценках западных футурологов // Культура & общество [Электронный ресурс]: Интернет-журнал МГУКИ / Моск. гос. ун-т культуры и искусств — Электрон. журн. — М.: МГУКИ, 2006—. — № гос регистрации 0420600016. — Режим доступа. <http://www.e-culture.ru/Articles/2006/Molev.pdf>, свободный — Загл. с экрана

Подписано в печать 23.01 2007г

Объем 1,4 п л Тираж 100 экз

Заказ №